

Эрнест Мацкявичюс — «Газете»

«Новости будут всегда»

Совсем недавно Эрнест Мацкявичюс с утреннего блока телеканала «России» перебрался в самый прайм-тайм: стал ведущим программы «Вести. Подробности». Первый же эфир был очень нервный — помимо премьерной суматохи Эрнесту пришлось бороться с сильнейшим гриппом. А на прошлой неделе Эрнест отпраздновал день рождения. О себе и телевидении Эрнест Мацкявичюс беседует с корреспондентом «Газеты» Алиной Ребель.

Как вы оказались в одном проекте с Дмитрием Дибровым?

Это было решение руководства канала. И хотя мы давно знакомы и состоим в приятельских отношениях, сейчас даже не пересекаемся. Дима все время неуловим и находится в разъездах, а у меня работа ежедневная, требующая привязки к месту. Я работаю от сети, а Дибров — от батареек. Что касается непосредственно предложения вести «Подробности», то оно поступило от Олега Борисовича Добродеева.

Когда узнали, что придется работать с Дибровым, вы обрадовались?

Схватился за сердце (смеется). А если серьезно, Дима — замечательный профессионал, опытный интервьюер, и мне очень приятно, что мы с ним работаем под одним брендом.

Вас поставили в жесткие рамки или вы можете менять формат проекта?

У меня существует определенный карт-бланш на поиск более или менее стабильной формы программы. Мы стараемся сделать так, чтобы программы не были похожи друг на друга. Все зависит от конкретной темы и конкретного гостя. Иногда и тема, и человек настолько интересны, что достаточно одной беседы. Иногда в программу можно имплантировать кусочки интервью, справки, опросы на улице. А можно пригласить второго собеседника — на телемост. Мы обсуждаем каждый конкретный случай, продумываем последовательность беседы, композицию и потом принимаем единственно правильное (или единственно возможное) решение.

До сих пор вы вели утренний эфир «России». Говорят, утренние каналы — это почетная ссылка для журналиста.

Если бы видели, как на меня смотрят продавщицы в супермаркетах, вы бы так не говорили! Единственная проблема в том, что приходилось не спать по ночам. А вообще за время, пока продолжается утренний канал, аудитория накапливается внушительная: одни зрители уходят на работу, телевизор включают другие, потом третьи, четвертые и так далее. Если сложить все рейтинги с учетом смены аудитории, можно почувствовать себя мегазвездой. И ме-

Фотограф: Максим Коняев / Газета

шает этому только чудовищное желание спать. Кроме того, утренний канал — отличная школа, где сочетаются все жанры журналистики, и мыслящий ведущий обязательно воспользуется этим, чтобы получить хорошую практику. Я вот воспользовался. Я ведь пришел на «Россию» с маленькой утренней десятиминутной программой. И когда мне предложили стать одним из лиц целого канала, согласился с интересом и удовольствием.

Но признайтесь честно: для журналиста, который был парламентским корреспондентом, оказывался в гуще событий, здесь все-таки драйва меньше.

Не думаю. Так называемый драйв у каждого свой, и причины, его вызывающие, со временем меняются. Возможность освоить новую профессию — это всегда адреналин и эндорфин одновременно. Я получаю колоссальное удовольствие, когда у меня получается что-то новое, и таких возможностей, слава богу, за последние годы судьба мне посылала достаточно. А с экстремальными ситуациями проблем нет. Хотя лучше, конечно, без них.

Прошло уже несколько эфиров программы. Вы довольны?

Пока вроде бы все нормально. Дело в том, что раньше я работал в ночном режиме, но при этом у меня была свободная неделя. Теперь свободного времени стало меньше, потому что 11 минут, которые каждый день надо выдать в эфир, подготовить порой тяжелее, чем четыре часа утреннего эфира. Мало выбрать тему и решить, какой герой ее представит. Героя надо еще уговорить. А у него совсем другие планы. На «Утре», если гость не приходил, в эфир можно было дать сюжет, а в «Подробностях», если гость не приходит, значит, программа сорвалась.

Мы уже дважды попадали в такую ситуацию.

Что, были «отказники»?

Не совсем. В понедельник, 14 ноября, когда произошли серьезные политические кадровые перестановки в правительстве и администрации президента, в программу был приглашен депутат Думы Андрей Макаров. Мы должны были говорить о либерализации налогового законодательства: важная и серьезная тема. Но за час до эфира пришлось все экстренно менять: нам удалось убедить приехать в студию нового полпреда президента в Дальневосточном федеральном округе Камилля Исхакова. Слава богу, Андрей Михайлович понял ситуацию и согласился перенести наш разговор на следующий день. Но самым серьезным стрессом был второй эфир. За день до премьеры меня сразил тяжелый грипп, первую программу я кое-как отвел, а после второй у меня пропал голос. И это было ужасно, потому что, каким бы замечательным ни был приглашенный гость, программа не получится, если он не сможет услышать, чего от него хочет ведущий. Так что первая неделя была довольно сложной — пришлось принимать гормональные препараты, чтобы хотя бы на время записи вернулся голос. Ну и еще пока преследуют бытовые трудности, связанные с тем, что включаться в этот проект пришлось очень быстро: у нас в программе всего два компьютера, что заметно осложняет работу. Особенно во время форс-мажора.

Федеральные каналы жестко цензурированы, этого уже даже никто не скрывает. Как вы на себе это ощущаете?

Это ваше мнение, и только. Следует отличать цензуру от редакционной политики. Я с цензурой никогда не сталкивался, поскольку это — внешнее вме-

шательство в работу редакции. А что касается редакционной политики, то она, я надеюсь, есть и у вашего издания. Допустим, вы в вашей газете приносите редактору тему, а он говорит, что это тускло, старо и неинтересно вашему читателю. Означает ли это, что он осуществил акт цензуры? Ничего подобного! Наоборот, он делает свое дело — руководит, редактирует газету. Так работают все редакции, в том числе и наша. На плановых летучках мы обсуждаем предстоящие события и людей, которые могли бы сообщить подробности этих событий. Иногда я что-то уточняю по телефону, иногда мне звонит начальство и спрашивает, кто у меня будет в программе. Эфир у нас прямой, а если запись, то в режиме Life-to-tape, то есть без монтажа, в реальном времени. Что касается плюрализма взглядов и узнаваемых лиц, то последите, если будет время, за нашими программами. Надеюсь, все достойные люди рано или поздно там побывают. Можно даже сказать, что предо мной такая задача поставлена.

В связи с событиями во Франции в нашем информационном вещании случился перекос: французские новости обсуждались повсеместно, а про наши совсем забыли. Как на ваш взгляд, почему это происходит?

Мне, честно говоря, так не показалось. У меня, правда, была одна программа про французские погромы, и пока, по-моему, она получилась самой удачной.

Ну как же: вот, например, за событиями во Франции потерялся марш скинхедов, который прошел в центре Москвы 4 ноября.

Вопрос немного не по адресу: первый раз я вышел в эфир 7 ноября, и в связи с гриппом и премьерным сумбуром день помню как в тумане. Но если вы хотите знать мое мнение, то я

не уверен, что подобные мероприятия и лозунги, которые там пропагандируются, заслуживают широкой трибуны и рекламы. Не секрет, что в стране есть масса маргиналов, разделяющих эти лозунги и готовых использовать их как руководство к действию. Если чиркать спичкой возле бочки с бензином, рано или поздно рванет. Я все это говорю не из корпоративной солидарности, а потому, что лично так думаю, потому, что сам наполовину нерусский. Про разрушительную силу телевидения написаны тысячи статей, и в данном случае, видимо, сработал принцип «не навреди». Может быть, перестраховались. Но и не навредили.

Почему тогда допустимо, что господин Проханов, которого теперь зовут в качестве эксперта во все программы, на том же «Эхе Москвы» пропагандирует имперский шовинизм?

Если бы я мог отвечать за мировоззрение господина Проханова, за редакционную политику «Эха Москвы» и за наполнение федеральных каналов, уверен, я мог бы дать на ваш вопрос исчерпывающий ответ. А так придется лишь предполагать. Во-первых, Александр Андреевич все-таки не скинхед, это видно даже внешне. А во-вторых, поверьте, я давно слушаю «Эхо», хорошо знаком с его руководителями и могу точно сказать — если бы высказывания Проханова были опасны, его бы в эфир не приглашали. Можно не волноваться.

Насколько вообще за эти годы изменился подход к информации?

Политика стала более стабильной и менее зрелищной, поэтому и рассказывать о ней теперь сложнее. Для страны, конечно, это хорошо, а для журналистов тяжело: надо искать новые подходы, повороты, сферы интересов. Акценты смещаются. Появился большой спрос на культурную, научную и потребительскую информацию. Но спрос на новости все равно будет всегда.

Но телевидение стало более вялым, информационные программы ушли на второй план. Многие тоскуют по старой команде НТВ...

Старая команда никуда не делась, просто расплылась по другим каналам, и теперь она повсюду. С одной стороны, грустно, что все мы теперь порознь, с другой, я как-то уже говорил об этом, кризис 2001 года дал возможность очень многим реализовать себя в новом качестве. Или хотя бы попытаться. По крайней мере я точно знаю, что через 10 лет уже не буду расплывшимся, облысевшим парламентским корреспондентом, который, дожидаясь сосиски из буфета, бежит по коридорам Думы за надменным депутатом и умоляет его прокомментировать расходные статьи бюджета-2015. Хотя... какая-то уж слишком четкая картинка получилась!